

нии двух версий и присутствии «вѣща» в маркированном содержательно и эмоционально фрагменте. Так, лексема из раритетной для книжных памятников превращается в обычную, если не обыденную, и граница между светскими и книжными текстами становится менее четкой.

Здесь есть еще один важный, как представляется, момент. Применах четых и паремийных чтениях понятия получают как бы взаимодополняющими, «мигающими». Анализ тех участков текста библейских книг, где четья версия вытеснена служебной, приводит к заключению, что писцы не только пользовались кодексами Паремейника, но и вносили многие варианты по памяти: у книжников сочетались и накладывались две версии текста. Такое положение наблюдается при переработке библейских цитат уже в Речи Философа из Повести временных лет (составленной не позднее начала XII в.) и Толковой палеи.³³ При этом речь идет не только о служебных и четых версиях, но и вообще о круте чтения того или иного книжника. К примеру, в Хронике Георгия Синкелла в части, относящейся к сокращенному пересказу Книги Судей, говорится о наказании племени, которое не явилось «на вѣче в Масифу». В соответствующем месте Суд. 21.4–21.10 обнаруживаем лишь «снѣймъ» и выражение «сыны Израилевы».³⁴ Подобные наблюдения имеют значение для анализа терминологии древнего времени: в дополнение ко всем сложностям источниковедческого исследования оказывается, что необходимо учитывать также терминологию, присутствующую в источниках лишь латентно.

³³ См., например: *Истрин В. М.* Редакции Толковой Палеи. I–V. СПб., 1907; *Михайлов А. В.* К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой Палеи // ИОРЯС. 1928. Т. I, Кн. 1. С. 49–80; *Вилкул Т. Л.* Книга Исход в Речи Философа // Средневековая Русь (в печати).

³⁴ Книга Судей цитируется по Троицкому хронографу (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728): «Суд. 21.4 И бысѣ наоутрия и обоутрѣша люде . и съградиша тоу требникъ . и възнесоша всесьюженъя . и ркоша снѣе изльви . 21.5 кто възидеть от всѣхъ племень изль . къ гѣоу . яко велика клятва бѣше . не вѣшедшимъ къ гѣоу въ масифъ . глѣще да измоутъ . 21.6 и оумолиша снѣе изльви . о вѣнъаминѣ брате ихъ . и рекоша исъчеса днѣс едино племя от изля . 21.7 что створимъ оставшимъ о женахъ . а мы кляхомъся гѣмъ . не дати имъ от дочерри наши* женъ . 21.8 и ркоша кто от племень изль . иже не възиде къ гѣви въ масифъ . и сихъ не придетъ ниединъ в полкъ . от ависы галаадовъ въ снемъ . 21.9 и съглядаша люди . и не бѣше тоу мужа от живоущихъ . въ ависѣ галаадовѣ . 21.10 и поусты тамо снемъ . I. тысячъ мужъ силы . и заповѣдаше имъ глѣще . идѣте избите живоущая . въ ависѣ галаадовѣ оружьемъ . жены и народъ».

А. А. Гиппиус

СОПЕРНИЧЕСТВО ГОРОДСКИХ КОНЦОВ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ НОВГОРОДА XII–XIII ВВ.

Социальная топография средневекового Новгорода эпохи его расцвета строилась на двух независимых основаниях: географически разделенный Волховом на две стороны, город административно подразделялся на концы и улицы. К этому двойному членению добавлялось противопоставление центральной части города, бывшей средоточием его административной, экономической и духовной жизни, и окружающей территории, занятой регулярной усадебной застройкой. Последнее членение было связано с первым: расположение на одном берегу реки детинца с кафедральным Софийским собором и владычным двором, а на другом — торгового (в ранний период) княжеского двора определяло лицо двух половин города, центральные районы которых представляли собой взаимодополняющие части единого социального организма. Отношения же между концами, как изоморфными по своей организации территориальными образованиями, строились на конкурентной основе; обладавшие своими властными структурами, внутренней иерархией, собственными духовными центрами, концы неизбежно вступали в соперничество, главными объектами которого становились властные функции общегородского масштаба: как светские — посадничество и тысяцкое, так и церковные — архиепископия и архимандрития. В данной статье я хотел бы остановиться на некоторых историко-культурных преломлениях двух указанных аспектов социо-топографического членения Новгорода.

Деление на стороны, казалось бы, превалирует. Действительно, в общерусской перспективе Новгород выглядит в первую очередь как город, раскинувшийся на двух берегах Волхова. Свое эмблематическое выражение такое восприятие нашло в композиции иконы

«Чудо от иконы Богородицы» («Битва новгородцев с суздальцами»), верхний ярус которой занимает изображение похода архиепископа Ильи-Иоанна за иконой «Богоматерь Знамение» с Софийской стороны на Торговую и его возвращения на Софийскую сторону. Город предстает здесь в идеальном единстве его двух половин.

Оборотной стороной этого единства, его повседневной изнанкой, также возведенной в ранг культурного стереотипа, является представление о перманентной вражде двух частей города. Свое самое яркое воплощение оно нашло в истории юродивых Николая Кочанова и Федора, живших на противоположных берегах Волхова и своей показной взаимной неприязнью пародировавших извечную вражду жителей Софийской и Торговой сторон. Оба они, согласно житиям, умерли в одном и том же 1392 г. По словам архимандрита Макария, «таковая мнимая ненависть двух праведников, вероятно, была изображением или обличением тогдашней распри двух сторон или частей древнего Новгорода, каковая усматривается из истории его до XV в.»¹ Другим отражением того же стереотипа является летописный рассказ о палице Перуна, которую низвергнутый идол, прощаясь с Новгородом, бросил на Великий мост: «Онъ же поплоче сквозе Велии мостъ, верже палицю свою на мост, ею же нынѣ безумнии убивающесея, угѣху творять бѣсомъ».² Хотя в рассказе о палице прямо и не говорится о вражде двух сторон, тот факт, что в его центре, как и в композиции иконы, находится Великий мост, позволяет думать, что летописец имел в виду именно эту вражду. Мост, одновременно связующий две неотделимые друг от друга части города и разделяющий его на два враждующих лагеря, оказывается амбивалентным символом дуальной модели организации Новгорода.

Широко распространенный в общерусских летописных сводах XV в. рассказ о палице Перуна вызвал к жизни историографическую концепцию, рассматривающую соперничество Софийской и Торговой сторон в качестве своеобразной константы новгородской истории, уходящей корнями в дуальную организацию первобытного племени, разделявшегося на два взаимобрачующихся рода или фратрии. Наиболее полно эта концепция представлена в моногра-

¹ Макарий, арх. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Т. I. М., 1860. С. 199.

² ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 90

фии А. В. Петрова.³ Деление Новгорода на две половины трактуется исследователем как исторически первичное, а кончанское деление — как более позднее; утверждается, в частности, что «до 80-х гг. XII в. в периоды междоусобий Новгород раскалывался на стороны, а не на концы».⁴ Знаменательна трактовка, которую в рамках данного построения получает вопрос о «Ярославлих грамотах». На миниатюре Лицевого летописного свода, иллюстрирующей эпизод присяги «на Ярославлих грамотах», изображены две грамоты — на этом основании делается вывод о том, что грамоты представляли собой взаимные обязательства Ярослава Мудрого, составленные, «в угоду древнему делению Новгорода», в двух экземплярах.⁵

Действительная причина изображения на миниатюре двух грамот заключается, надо думать, в том, что именно две грамоты, выданные Новгороду Ярославом, упоминаются в летописи под 1016 и 1030 гг. В целом же указанное построение представляется результатом экстраполяции на раннюю эпоху ситуации середины XIV — начала XV в., когда резко возросшая политическая активность боярства Славенского конца особенно часто выливалась в его вооруженные столкновения с Софийской стороной. Именно в эту эпоху появляются тексты, развивающие тему дуальной организации Новгорода. Рассказ о палице Перуна является редакторской вставкой в Новгородско-Софийском своде начала XV в.; во второй половине XIV в., согласно агиографической традиции, жили и разыгрывали свои пародийные представления антагонисты-юродивые Федор и Николай; к середине данного столетия относится оформление Знаменского культа, в это время возникает «Сказание о Знаменнии» и служба празднику, возводится (в 1355 г.) Знаменский собор на Ильине улице, откуда, согласно «Сказанию», была взята в 1170 г. чудотворная икона. Актуализация знаменской темы именно в этот период справедливо связывается с новым витком новгородско-московских противоречий.⁶ Но нельзя не обратить внимания и на следующий факт: строительство в 1355 г. на Торговой стороне Знаменского собора приблизительно совпадает во времени с пред-

³ Петров А. В. От язычества к Святой Руси: Новгородские убоицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 228–229.

полагаемой В. Л. Яниным⁷ реформой новгородского посадничества, реорганизующей его на основе паритетного представительства концов Софийской и Торговой сторон.

Совсем иную ситуацию мы наблюдаем в Новгороде в домонгольскую эпоху. Динамика новгородской культуры XII в. определялась, как известно, меняющимися отношениями между городом и князьями. На протяжении этого столетия культура Новгорода переживает качественную трансформацию — из княжеской она становится боярской. Важно, что, за единственным исключением в виде Софийского собора (основанного Владимиром Ярославичем вместе с епископом Лукой), княжеское строительство в пределах самого Новгорода ограничено Торговой стороной, точнее самим торгом и примыкающим к нему княжеским (Ярославовым) двором. Вероятно, именно в силу слишком значительного присутствия на ней князя и зависимого от него населения, Торговая сторона, т. е. по существу — Славно, на протяжении долгого времени не играет сколько-нибудь заметной роли в политике Новгорода в отношении князей. В общественной жизни Новгорода XII–XIII вв. безраздельно доминирует Софийская сторона. Посадники, чья территориальная принадлежность уверенно устанавливается на основании прямых летописных свидетельств и показаний берестяных грамот за единственным исключением связаны именно с ней.⁸ Исключение лишь подтверждает правило: посадничество славенского боярина Семена Борисовича продолжалось в 1219 г. всего несколько меся-

⁷ Он же. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 270–279.

⁸ Говоря так, я опираюсь в первую очередь на наблюдения и выводы В. Л. Янина (Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 97–99; Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 20–22; Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 11–17), В. А. Букова (Буков В. А. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по данным берестяных грамот Неревского раскопа) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 119–125), А. А. Зализняка (Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 181–186) и свои собственные (Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. НГБ (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 164–183). Нужно, конечно, иметь в виду, что берестяные грамоты, подавляющее большинство которых происходит с Неревского и Троицкого раскопов на Софийской стороне, освещают политическую ситуацию Новгорода крайне неравномерно и даже однобоко. Тем не менее это не повод полностью игнорировать их данные, как делает А. В. Петров, строящий свои выводы о новгородских «вечевых партиях» XII в. на основании одних только летописных свидетельств, для этого явно недостаточных.

цев, причем имеются основания видеть в нем сына Бориса Мирошкинича, переселившегося на Славно после разгрома его родового гнезда в Людином конце в 1209 г.⁹ Что же касается политических выступлений жителей Торговой стороны, то они в эту эпоху носят скорее характер отдельных вспышек недовольства торгово-ремесленного населения навязываемой ему волей боярских партий Софийской стороны. Говорить о «вечевой партии» Торговой стороны применительно к событиям 1157 г., когда «Торговый пол» выступил с оружием в защиту изгоняемого Мстислава Юрьевича, на наш взгляд, нет оснований.

В том, что такое видение ситуации не является aberrацией, происходящей от недостатка источников, но отражает подлинное положение дел, убеждает топография новгородских городских и пригородных монастырей, сложившаяся к концу XII в. Девять из 12 княжеских по своему происхождению обителей, основанных к этому времени, находились на Софийской стороне и в ее ближайшей округе.¹⁰ Из оставшихся трех монастырей два — Кириллов и Евфимьин — были основаны в самом конце столетия, причем основательница Евфимьиного монастыря в Плотниках — вдова Полюда Городшничича, дочь Жирошки — происходила, по-видимому, из боярских кругов Людина конца.¹¹ Нет оснований считать выходцем с

⁹ Помимо Семена Борисовича представителями в посадничестве XIII в. славенского боярства В. Л. Янин считает Внезда Водовика (1229–1230), а также Михаила Федоровича (1258–1268) и его сына Семена Михайловича (1280–1286) (Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. ... С. 14, 17). Однако о славенской принадлежности Внезда Водовика исследователь заключает лишь на основании его союза с Семеном Борисовичем. Между тем наблюдение А. А. Зализняка (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 430), сопоставившего упоминание Внезда — шурина Творимира в берестяной грамоте № 82 (конца XII в.) с упоминанием «Творимирича» среди подвергшихся разграблению в 1230 г. сторонников Водовика, делает вероятной неревскую принадлежность этого посадника (чему нисколько не противоречит его блокировка с Семеном Борисовичем: «неревляне» и «кониполовичи» выступают против Людина конца с Прусской улицей и в событиях 1218 г.). Что же касается Михаила Федоровича, то его А. Е. Мусин (Мусин А. Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // ННЗ. Вып. 16. Великий Новгород, 2002. С. 84) обоснованно относит к прусской посадничьей династии, считая сыном Федора Михалковича, брата посадника Твердислава Михалковича. Таким образом, кажется вполне вероятным, что коренные представители населения Славна в XII–XIII в. не избирались посадниками ни разу.

¹⁰ См. карту: Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. Вып. 8 [18]. СПб., 2000. С. 128.

¹¹ Янин В. Л., Зализняк А. А. НГБ (из раскопок 1984–1989 гг.)... С. 34–35; Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. НГБ (из раскопок 1997–2000 гг.)... С. 67; Мусин А. Е. Соци-

Торговой стороны и основателя Антониева монастыря, не случайно именуемого в агиографической традиции «Римлянином». Что же касается Хутынского монастыря, также расположенного на правом берегу Волхова, то его основатель уже точно был жителем Неревского конца.¹² Единственный монастырь в окрестностях Торговой стороны, бесспорно представлявший собой местную ктиторию, — Кириллов в Нелезене, впервые упоминаемый под 1196 г. в связи со строительством каменной церкви братьями Константином и Дмитрием с Лубяной улицы.¹³ К этому моменту на Софийской стороне и примыкающей к ней территории уже существовали Варварин, Воскресенский, Благовещенский, Успенский Аркаж, Духов, Покровский Зверин, Иоанновский Росткин и Лазарев монастыри.

Следует учитывать также, что на Софийской стороне находился и «Новгород» в узком смысле, как в летописи дважды именуется основанная Владимиром Ярославичем в 1044 г. крепость на левом берегу Волхова, в которой в 1045 г. был заложен Софийский собор. Как указание на главенство Софийской стороны прочитывается во внутриновгородской перспективе и знаменитая летописная формула «Где Святая София, ту и Новгород». Поскольку при Софийском соборе велась и владычная летопись, мы наблюдаем историю Новгорода глазами жителя Софийской стороны; Торговая сторона для летописца — «та сторона», «он пол», а ее жители — «ониполовичи».

При этом никакого политического единства Софийская сторона не обнаруживает. Напротив, мы с самого начала застаем здесь жесткое противостояние боярских группировок, которые (вслед за В. Л. Яниным) следует связывать с оппозицией Людина и Неревского концов. Относить ее формирование к 1180 гг., как это делает А. В. Петров, оснований нет. Ценнейшим свидетельством существо-

альные аспекты истории древнерусской Церкви по данным берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции, Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г. М., 2003. С. 110–111. Ср., впрочем, точку зрения Г. Е. Дубровина, зачисляющего мужа и отца основательницы монастыря в ряды славянского боярства (Дубровин Г. Е. «...Полюжая Городшница Жирошкина дщи...» (К вопросу об основательнице Евфимьина монастыря в Плотниках) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 109–117.). Аргументы исследователя, на наш взгляд, не перевешивают доводов В. Л. Янина, А. А. Зализняка и А. Е. Мусина в пользу принадлежности названных лиц к боярству Людина конца.

¹² Макарий, арх. Археологическое описание... С. 430.

¹³ НПЛ. С. 42.

вания у жителей Софийской стороны развитого кончанского самосознания уже в начале XII в. является берестяная грамота № 954, происходящая с усадьбы «Ж» Троицкого раскопа. Документ представляет собой распоряжение представителю кончанской (или уличанской) администрации предъявить некоему Шильцу обвинение в злом нарушении им общественного порядка, навлекшим позор на весь Людин конец (упоминаемый здесь впервые, за полвека до первого летописного свидетельства): «Грамота отъ Жирочька и от Тъшька къ Вьдовиноу. Млви Шильцеви: чемоу пошибаеши свиньѣ цюжѣ? А понесла Нодрька. А еси посоромилъ конць вьхъ Людинь: съ оного полоу грамата, про кони же та быс(ть), оже еси тако сътворилъ».¹⁴ Упомянутая как разносчица скандального слуха Но(з)дрька уверенно связывается с Неревским концом (где находилась церковь св. Димитрия «Ноздрьцына»), который косвенным образом оказывается также представлен в документе.

Соперничество Неревского и Людина (с Прусской улицей) концов, пропитывающее политическую жизнь Новгорода XII — начала XIII в., не могло не отразиться в культуре эпохи. Такие отражения действительно обнаруживаются, позволяя проследить определенную закономерность, отдельные проявления которой рассматриваются ниже.

Абсолютным духовным центром Новгорода на всем протяжении его письменной истории был Софийский собор. Уже упомянутая формула «Где Святая София, ту и Новгород» утверждает уникальность и неизблемость этого центра. Некоторым диссонансом с ней звучит известная летописная запись о пожаре первоначальной церкви св. Софии, сообщающая, что деревянный храм находился не там, где впоследствии был выстроен каменный, а на другом месте: «а ту стояла святая Софѣя конецъ Пискульъ улицѣ, идеже нынѣ поставилъ Сотьке церковь камену святого Бориса и Глѣба над Волховомъ».¹⁵ Историческая достоверность этого известия обоснованно ставится под сомнение. Справедливым представляется мнение В. Л. Янина, видящего в летописной ремарке тенденциозную редактуру, подчеркивающую особую роль церкви св. Бориса и Гле-

¹⁴ Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 3.

¹⁵ НПЛ. С. 181.

ба. В. Л. Янин относит эту редактуру к XV в., связывая ее с возвышением этой церкви как духовного центра прусско-людинского боярства.¹⁶ Очевидно, однако, что само строительство монументального храма, заложенного в 1167 г. Содко Сытиничем и уже в начале XIII в. выступающего как вечевого храм «прусов» и Людина конца, было в высшей степени амбициозным «проектом». Текстологические соображения также подталкивают к тому, чтобы редактуру с упоминанием «прежнего» места Софийского собора считать произведенной в XII в., вскоре после закладки Содко Сытиничем церкви Бориса и Глеба.¹⁷ Согласно нашим выкладкам, владычная новгородская летопись в это время велась Германом Воятой — летописцем архиепископов Ильи и Гавриила, связь которых с Людиным концом не подлежит сомнению. Продвижение в новгородском летописании тезиса о нахождении древней Софии в топографической вершине Людина конца следует поэтому считать отражением политических амбиций прусско-людинского боярства середины XII в.

Возникновение такой идеи могло стать реакцией на несимметричные отношения, в которых Неревский и Людин концы находились к Софийскому собору, возведенному Владимиром Ярославичем. Поскольку геологически Софийский холм является продолжением Неревского,¹⁸ Софийский собор (отделенный к тому же от Людина конца впадавшим в Волхов ручьем) должен был изначально восприниматься как примыкающий к Неревскому концу. Эта географическая «несправедливость» и могла вызвать у прусско-людинской аристократии желание «перетянуть» на свою сторону если не кафедральный собор, то хотя бы его историческое место. Обстоятельством, поддерживавшим такой амбициозный замысел, было нахождение церкви Бориса и Глеба в южной части детинца, т. е. исторически — северной части Людина конца, включенной в состав крепости (как мы полагаем, следуя традиционной точке зрения¹⁹) Мстиславом Великим в 1116 г. Само это включение, ставив-

¹⁶ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 125.

¹⁷ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // ИИС. Вып. 6 [16]. СПб., 1997. С. 45–46.

¹⁸ Петрова Л. И., Трояновский С. В., Фирсова Н. Д. О методике моделирования палеорельефа исторической территории // ИИЗ. Вып. 8. Новгород, 1999. С. 182–184.

¹⁹ Обоснование нашей позиции по данному вопросу см.: Гиппиус А. А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: Устав князя Ярослава о мостех // Славяноведение. 2005. № 4. С. 23.

шее прусско-людинское боярство в преимущественное положение по сравнению с неревским, нуждалось в символическом закреплении, каким и стало строительство в 1145 г. деревянной, а с 1167 г. каменной церкви Бориса и Глеба. В качестве второго центра детинца церковь Бориса и Глеба, оставаясь кончанским вечевым храмом, приобретает (как это показано В. Л. Яниным) ряд общегородских функций, что выражается в абсолютном доминировании прусского боярства в политической жизни Новгорода середины — второй половины XIII в.

Двухъядерная структура «большого» детинца, в которой церковь Бориса и Глеба составляла единственную в своем роде пару к Святой Софии, заслонила собой иную симметричную конфигурацию, отчетливо просматриваемую в летописных статьях первой трети XIII в. Аналогом церкви Бориса и Глеба как вечевого храма Людина конца и Прусской улицы была в Неревском конце церковь Сорока мучеников севастиийских. Находившийся примерно на том же удалении от Софийского собора, что и церковь Бориса и Глеба, и также посвященный памяти мучеников (заметим, что святые князья-страстотерпы и 40 севастиийских мучеников были для Древней Руси мучениками *par excellence*), этот храм, как предполагается, был основан в ознаменование победы над чудью, одержанной Мстиславом Владимировичем в 1117 в. (главный город Чудской земли — был тогда взят «на 40 святых»).²⁰ Строительство же каменной церкви, заложенной в 1199 г. по инициативе Прокши Мальшевича, естественно связывать с памятью похода на югру в 1193 г., закончившегося практически полным истреблением новгородского войска.²¹ Судьбе этого храма и его ктитора — семье Мальшевичей — Новгородская летопись уделяет в первой трети XIII в. исключительное внимание, в чем нельзя не видеть отражения позиции занимавшего в ту пору софийскую кафедру архиепископа Антония — в миру Добрыни Ядрейковича: отец Добрыни Ядрей возглавлял нов-

²⁰ Егоров В. А. Новгородские храмы как памятники русско-финских отношений // Отчет за первые два года деятельности ленинградского общества. 9 исследований культуры финно-угорских народностей. Л., 1927; Мусин А. Е. Христианская община средневекового города северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2002. С. 14.

²¹ Гиппиус А. А. К истории сложения текста... С. 25–27; Мусин А. Е. Христианская община... С. 16.

городцев в походе 1193 г., был предательски выдан югорцам и убит. Обвиняя предателя Савку (Савицу) в посягательстве на «кровь братии», летописец отсылает читателя к центральной теме борисоглебского цикла; тот факт, что Савица происходил из Людина конца, должен был придавать этой отсылке особую злободневность.

Становясь во время городских усобиц центрами объединения кончанских сил (что свидетельствуется летописными рассказами 1218 и 1220 гг.), церкви Бориса и Глеба и Сорока Мучеников вступали друг с другом в отношения динамического напряжения. Можно думать, что вторая отстраивалась и украшалась ее ктиторами не без оглядки на возвышение первой, имевшее место в 1160-х гг. В связи с этим стоит заметить, что в те же годы, когда Новгородская летопись уделяет столько внимания церкви Сорока Мучеников, в ней впервые начинает звучать тема патроната Святой Софии над Новгородом. Инициатором освоения владычной летописью этой фундаментальной идеи был, как показано в специальной работе,²² все тот же Антоний — Добрыня Ядрейкович, имевший прямое отношение и к церкви Сорока Мучеников. Укрепление последней как культового центра Неревского конца шло, таким образом, параллельно с утверждением культа Святой Софии в качестве общегородского палладиума, универсального духовного стержня Новгорода, относительно которого имеет место и «конкурентная симметрия» кончанских духовных центров.

Состязательность кончанских сообществ Софийской стороны обнаруживает себя и в попечении о самом кафедральном соборе и его святынях. Одним из самых почитаемых мест Софии Новгородской была устроенная в юго-западном компарimente часовня Гроба Господня.²³ Это было символическое место поклонения Гробу Господню, воссоздаваемое на основе паломнических реликвий, привозившихся из Святой земли. Для горожан было, естественно, далеко не безразлично, кем доставлялись в Новгород эти реликвии. Письменные источники донесли до нас три эпизода истории формирования данного комплекса. По сообщению Ипат., в 1134 г. «принесена бысть

²² Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. СПб., 2009. С. 181–198.

²³ Царевская Т. Ю. О цареградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 400–402; Гордиенко Э. А. Часовня Гроба Господня в Софийском соборе // НИС. Вып. 9 [19]. СПб., 2003. С. 94–130.

дъска оконечная гроба Господня Дионисъемъ; послать бо бѣ Мирославъ».²⁴ В Дионисии, доставившем на Русь реликвию, исследователи видят будущего игумена Новгородского Юрьева монастыря, тогда как пославший за ней Мирослав отождествляется с посадником Мирославом Гюрятиничем (личностью, действительно хорошо известной в Южной Руси; в следующем 1135 г. он ходил из Новгорода «мирить киевлян с черниговцами»²⁵). Боярский клан, к которому принадлежал Мирослав Гюрятинич, в настоящее время уверенно локализуется в Людине конце.²⁶ Представителем тех же кругов на новгородской кафедре был архиепископ Илья-Иоанн. При нем в Иерусалим ходили сорок новгородских калик, доставивших в Новгород святые мощи и «копкаръ» (лампаду) со Святого Гроба;²⁷ широко известно, благодаря его легендарному отражению в житии святого, и паломничество в Иерусалим самого Ильи-Иоанна. Таким образом, в XII в. обустройство Святогробской часовни велось преимущественно усилиями и по инициативе людинского боярства.

Дисбаланс был выправлен в 1211 г., когда вернувшийся из Константинополя неревлянин Добрыня Ядрейкович, «привезъ съ собою гробъ Господень».²⁸ Что бы ни представлял собой этот сакральный предмет (мнения на сей счет расходятся, ср. указанные работы Э. А. Гордиенко и Т. Ю. Царевской), его появление в Новгороде, безусловно, вызвало не меньший общественный резонанс, чем доставка в него «оконечной доски» Мирославом Гюрятиничем; заслуги Людина и Неревского концов в стяжении реликвий Святого Гроба оказались с тех пор равны.

Сходная динамика выявляется в истории создания новгородских кратиров — серебряных причастных чаш, изготовленных в XII в. для Софийского собора мастерами Братилой и Костой.²⁹

²⁴ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. С. 295.

²⁵ НПЛ. С. 23.

²⁶ Гиппиус А. А. Петр и Якша. К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 18–31; Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства // The Slavization of the Russian North / ed. by J. Nuorluoto. Helsinki, 2006. P. 99–101 (Slavica Helsingiensia. Vol. 27).

²⁷ Соколов Б. М. История старин о 40 каликах со каликою // Русский филологический вестник. Т. 69. М., 1913. С. 84–88.

²⁸ НПЛ. С. 52.

²⁹ См. подробно: Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 32–47.

Несмотря на частный характер вкладных надписей — «Се сосудъ Петриловъ и жены его Варвары» (на кратире Братилы) и «Се сосудъ Петровъ и жены его Марье» (на кратире Косты), кратиры, несомненно, предназначались для кафедрального богослужения (из каждого могли одновременно причаститься около 500 человек) и должны были восприниматься как важнейшие символы единения христианской общины Новгорода.³⁰ Их заказчиками могли быть лишь представители высшей новгородской знати. Ктиторм сосуда Братилы давно уже считали посадника Петрилу Микульчича; сосуд Косты, согласно нашей гипотезе, был вложен в Софийский собор боярином Петром Михалковичем в ознаменование состоявшегося в 1156 г. бракосочетания его дочери с князем Мстиславом Юрьевичем.³¹ В интересующей нас перспективе принципиально значимой является принадлежность Петрилы Микульчича и Петра Михалковича к противоположным территориальным боярским группировкам: первого — к неревской,³² второго — к прусско-людинской.³³ Существенно и другое. Анализ надписей и изображений на кратирах позволяет считать оба памятника воспроизведениями еще одного, не сохранившегося, но известного по описи начала XVII в. аналогичного сосуда, обладавшего традиционной для византийской причастной чаши иконографией с изображениями Христа и Богороди-

³⁰ См. *Стерлигова И. А.* Новгородские кратиры и икона «Богоматерь Знамение». Некоторые проблемы иконографии // *Древнерусское искусство: Балканы. Древняя Русь.* СПб., 1996. С. 311–322.

³¹ Опираясь на нашу атрибуцию кратира Косты, В. Л. Янин предположил, что вклад сосуда Братилы был также связан с княжеским браком, а именно с женитьбой Всеволода Мстиславича в 1123 г. на дочери Петрилы Микульчича (*Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 182). Хотя происхождение невесты в летописи не указано (сказано лишь, что Всеволод женился в Новгороде), такое предположение кажется очень правдоподобным, объясняя избрание Петрилы Микульчича посадником в 1130 г. и последующую приверженность Всеволоду этого боярского клана. Независимо к такой же атрибуции кратира Братилы пришла Т. В. Круглова (*Круглова Т. В.* Из истории княжеских браков в Новгороде в XII в. (О семейных связях Всеволода Мстиславича и Святослава Ольговича) // *ННЗ.* Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 218–230. Как справедливо замечает исследовательница, для принятия данной гипотезы необходимо предположить, что новгородская женитьба Всеволода была его вторым браком, что, учитывая вероятный возраст князя, вполне возможно.

³² *Бурав В. А.* О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей... С. 118–125; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* НГБ (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 9–10; *Гиппиус А. А.* Берестяное «хитросплетение» XII в. (грамма № 88) // *Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина.* М., 2009. С. 37–43.

³³ *Гиппиус А. А.* Петр и Якша... С. 73–75.

цы, а также апостолов Петра и Павла. В дошедших до нас кратирах эта иконография переосмыслена в патрональном ключе, основанием для чего стала соименность заказчиков апостолу Петру. При этом место апостола Павла заняли патрональные изображения мучениц: Варвары на кратире Братилы и Анастасии на кратире Косты.

История создания кратиров раскрывается в свете этой реконструкции как символическое воплощение борьбы соперничающих политических сил Новгорода за патронат над престолом Святой Софии. Поначалу на престоле располагался единственный кратир, возможно, вложенный в Софийский собор еще его основателем — князем Владимиром Ярославичем. На следующем этапе рядом с ним появляется кратир, заказанный Петрилой Микульчичем, в котором чисто богословская по своему содержанию иконография княжеского кратира получает патрональное переосмысление. Будучи актом самоутверждения новгородского боярства, создание второго кратира приводит вместе с тем к определенному перекосу в символической репрезентации сил Людина и Неревского концов. Перекос ликвидируется в 1156 г., когда свой вклад в собор делает Петр Михалкович, виднейший представитель Людина конца. Начиная с этого момента на престоле Софийского собора находятся три кратира — один княжеский и два боярских, взаимно уравновешивающих друг друга.

С иконографией кратира Косты мы (вслед за Э. А. Гордиенко и И. А. Стерлиговой) связываем композицию оборота иконы «Богоматерь Знамение», видя в ней парный к кратиру вклад в Софийский собор того же Петра Михалковича. Такая атрибуция, на наш взгляд, позволяет лучше понять обстоятельства прославления иконы в феврале 1170 г., когда, вынесенная на вал оборонительного острога, она защитила Новгород от суздальской рати. Исследователей давно занимает вопрос, почему память об этом событии празднуется не в день битвы, а 27 ноября, в день св. Иакова Перского. Главная из причин, обусловивших этот выбор, заключалась, по-видимому, в том, что церковь св. Иакова на Добрыньине улице была ближайшей к месту битвы и именно с ней первоначально связывалась память о совершившемся чуде.³⁴ Эта близость, очевидно, была неслучайна: мы объясняем ее тем, что Яковлевский храм был патрональной церковью посадника Якуна Мирославича — одного из организаторов

³⁴ См. *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора... С. 232–235.

победы новгородцев. Так или иначе, кажется несомненным, что инициатива учреждения празднования 27 ноября, в день св. Иакова Перского, исходила от боярства Людина конца, в окрестностях которого разворачивались события, предшествовавшие битве, и она сама.

Чтобы оценить значение данного обстоятельства, стоит принять во внимание, что память другого одноименного святого — апостола Иакова, брата Господня (23 октября) — также была важным для Новгорода днем: в этот день в 1069 г. (ровно за сто лет до битвы с суздальцами!) на северных подступах к Новгороду, «у Зверинца на Кземле», было разгромлено войско Всеслава Полоцкого. Поскольку битва произошла в окрестностях Неревского конца, естественно, память о ней культивировалась в первую очередь там, — как предполагается,³⁵ были основаны церковь святого Иакова на Яковлеве улице и Покровский Зверин монастырь на Кземле. Характерно, что, как и в случае со Знаменской иконой, память св. Иакова оказывается здесь сопряжена с богородичным культом. Это проявляется и в посвящении церкви Зверина монастыря (заметим, что и победа над суздальцами в 1170 г. была ознаменована закладкой в тот же год архиепископом Ильей и его братом Гавриилом посвященного Богородице монастыря Благовещения на Мячине), и в том, что, по замечанию В. Л. Янина,³⁶ в церкви св. Иакова (и только в ней) дважды, в 1208 и 1391 гг., имело место течение слез от иконы Богородицы. Заслуживает упоминания и то, что каменная церковь Иакова в Неревском конце (которой, несомненно, предшествовал деревянный храм) закладывается в 1172 г., через год после победы над суздальцами. Не следует ли видеть в этом реакцию неревского боярства на зарождение в Людине конце празднования памяти чуда от иконы Богородицы? Наконец, неслучайным может быть и тот факт, что древнейший известный список Знаменской иконы (из собрания П. Д. Корина), датируемый концом XII — началом XIII в., происходит из Зверина монастыря, связанного с памятью о событиях 1069 г. Если верна наша гипотеза и Знаменская икона была написана по заказу людинского боярина Петра Михалковича, то со сво-

³⁵ Егоров В. А. Новгородские храмы...; Мусин А. Е. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 182–183.

³⁶ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора... С. 236.

им оригиналом коринское «Знамение» образует пару, подобную другим рассмотренным выше.

Закономерность, которую мы попытались проследить, как раз и заключается в существовании таких пар и — шире — параллельных фактов культурной жизни Людина и Неревского концов, связанных друг с другом отношениями «конкурентной симметрии».³⁷ Два конца Софийской стороны, делившие между собой главенство в политической сфере, находились одновременно в состоянии культурного диалога; репликами в нем были храмы, иконы, реликвии, священные сосуды и церковные памяти. Диалог этот, наряду с другим, который городское сообщество в целом вело с княжеской властью, представляется существенным фактором истории культуры Новгорода в домонгольскую эпоху.

³⁷ Используем удачное определение А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, характеризующих таким образом отношения между киевскими монастырями св. Николая и св. Симеона, основанными княгинями-соперницами Одой (женой Святослава Ярославича) и Гертрудой-Олисовой (женой Изяслава Ярославича) (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XII века. М., 2010. С. 19.).